

Ся Чжиюань понимала, что сейчас нельзя медлить. Находясь рядом с такой коварной особой, каждое слово и каждое движение нужно было продумывать до мелочей. По крайней мере, сейчас она не могла позволить себе идти против воли Великой принцессы.

Послушно сделав несколько шагов, она оказалась перед ней. Ступая по богато расшитому ковру, Ся Чжиюань чувствовала, как сердце колотится в груди — сказать, что ей не было страшно, значило солгать. Когда она подошла вплотную, ей в руки сунули деревянную шкатулку.

Чжао Чанлинь, казалось, нисколько не дорожила этой вещью, хотя когда-то это был один из подарков, преподнесенных ей самим императором. Но у неё этот предмет лишь пылился без дела, превратившись в простую безделушку. Куда разумнее было отдать его тому, кому он действительно пригодится.

— Ваше Высочество, это... что? — Ся Чжиюань замялась. Не понимая, что внутри, она подняла взгляд и с искренним недоумением посмотрела на Чжао Чанлинь.

— Это тебе, — ответила та. — Раз уж ты обещала пожелать мне благополучия, я тоже должна преподнести тебе подарок в знак доброго здравия. Считай это ответным жестом.

Видя, что Ся Чжиюань застыла на месте, Чжао Чанлинь слегка нахмурилась. Будь на её месте кто-то другой, он бы уже давно пал ниц, благодаря за милость. Неужели эта девушка настолько бестолкова? Приходится учить всему самой?

Чжао Чанлинь поднялась, её тонкие пальцы коснулись крышки из красного лака, и она легко откинула её. Внутри, на красном шелке, покоился огромный корень женьшеня.

— Бери. Твой недуг... я навела справки. Это врожденная слабость, и обычные лекарства здесь бессильны. Но не переживай. В Поднебесной нет такого человека, которого я не смогла бы спасти, если бы захотела.

Она снова подтолкнула шкатулку к девушке. Ся Чжиюань поняла, что отказываться больше нельзя, и, закусив губу, постаралась изобразить крайнюю степень смущения:

— Сегодня день рождения Вашего Высочества, а вы дарите мне такой бесценный дар... Я не знаю, как отблагодарить вас.

В глубине души она ликовала: такой огромный корень женьшеня в её мире стоил бы целое состояние!

— Не знаешь, как отблагодарить? Любопытно, — Чжао Чанлинь протянула руку и поправила прядь волос у виска Ся Чжиюань, словно опасаясь, что ночная прохлада навредит ей. — Что ж, запомни мои слова. Увидимся на банкете.

Проходя мимо, Чжао Чанлинь поймала себя на мысли, что эта девушка, которую она видела всего пару раз, вызвала у неё неожиданный интерес. Что это — искренняя симпатия или же Ся Чжиюань приложила все усилия, чтобы привлечь её внимание? Впрочем, таких людей она видела сотни. Одним больше, одним меньше — неважно. Если она сможет принести пользу — отлично. Если нет... что ж, пощады не будет. Что это — стремление сохранить верность своим принципам или же участь рыбы, лежащей на разделочной доске? Поживем — увидим.

Ветер взметнул полы её алого платья, тонкие подвески на наряде мелодично зазвенели. Чжао Чанлинь медленно спустилась по ступеням, ступая в сад, в самую гущу толпы, навстречу собственной судьбе.

Раздался ликующий гул, и сотни голосов слились в едином порыве:

— Приветствуем Великую принцессу!

В это же время в другом конце зала молодой господин из поместья Чжунъюн-хоу, подперев подбородок рукой, с нескрываемым раздражением слушал бесконечные наставления матери.

— Сын мой, ты хоть слышал, что я тебе говорила? Хоть дочь чиновника Ся и слабовата здоровьем, тебе придется окружить её заботой, когда придет время заводить детей. Нашему поместью как раз нужна такая семья с безупречной репутацией, чтобы укрепить наш статус и влияние.

Хотя её дорогой сын и унаследовал титул, отец его скончался рано, а самого наследника отправили на границу, из-за чего их голос при дворе почти перестал звучать. Теперь, вернувшись в столицу, он ещё не успел прочно встать на ноги, а все знатные девицы, чьи семьи могли бы стать достойной партией, мечтали выйти замуж лишь за тех, кто пользуется безграничным доверием императора. Вот и на нынешних весенних экзаменах наверняка появятся новые любимчики двора.

Мужчина, чья кожа потемнела от солнца, а лицо отличалось мужественными, резкими чертами, нахмурился и дернул бровью:

— Матушка, сколько можно? Я даже не видел эту девушку, как я могу просто так взять и жениться? А если она уродлива? Вся моя жизнь пойдет под откос. Да мои воины засмеют меня, когда увидят, кого я привел в дом!

Лу Бошань был крайне недоволен устроенным матерью браком. Едва вернувшись из пограничных земель, он сразу же оказался под таким давлением. Он понимал, что матери было нелегко в одиночку тянуть огромное поместье после смерти отца, но это не давало ей права распоряжаться его судьбой.

В этот момент его взгляд упал на высокую платформу, где в центральном кресле с величественным видом восседала женщина в алом платье. В её волосах поблескивали драгоценные шпильки, а в осанке и взгляде читалось такое властное достоинство, что не

заметить его было невозможно. Такую ауру Лу Бошань видел только у своего главнокомандующего — спокойствие человека, в чьих руках сосредоточена огромная власть, способная перевернуть небо и море.

— Перестань глазеть, не позорься! Это же Великая принцесса! — прошипела мать.

Лу Бошань вздрогнул, осознав, что привлек к себе внимание, и поспешно схватил маленькую чарку, подражая остальным гостям, чтобы отдать дань уважения той, что сидела во главе стола.

— Понял я, понял... Больше не буду на неё смотреть. Чего ты так злишься, матушка?

Он поднес чарку к губам и залпом осушил её, чувствуя, как крепкое вино обжигает горло. Лишь тогда он почувствовал некоторое облегчение.

Когда Великая принцесса заняла своё место, Лу Бошань заметил, что прямо напротив него села какая-то девушка. В ярком свете ламп её фигура казалась хрупкой, а сама она куталась в тяжелую накидку с мягкой белой меховой оторочкой, которая при каждом движении казалась невероятно милой.

— А это кто... — Его взгляд невольно приковался к ней. Впрочем, винить Лу Бошаня было трудно: в пограничных краях он видел лишь грубых вояк и давно отвык от утонченных столичных красавиц. Эта девушка, чья кожа казалась нежной и чистой, как весенний снег, напоминала молодую иву, склонившуюся над водой — изящную, грациозную и способную тронуть любое сердце.

Увидев его реакцию, женщина довольно улыбнулась, и морщинки в уголках её глаз собрались в лучики:

— Я же только что говорила тебе, сынок. Это и есть дочь чиновника Ся. Ну как, хороша собой? Разве я стала бы желать тебе зла? Я выбирала её из тысяч, чтобы показать тебе. Единственный изъян — больно уж слаба здоровьем. Но это не беда. Потом возьмешь пару наложниц, и жизнь наладится.

<http://bllate.org/book/21515/2206959>